

II

«Повесть о Горе-Злочастии» не принадлежит к произведениям беллетристическим. Это произведение поэтическое, притом лирическое, хотя в нем использованы и достижения эпической поэзии. Тем не менее она имеет огромное значение в истории беллетристики. В ней с необыкновенной ясностью сказались некоторые черты нового времени, без которых не могла развиваться беллетристика.

В произведениях древней русской литературы личность человека сама по себе не развивалась. Человек действовал в зависимости от обстоятельств. Единственное изменение, которое было допустимо в человеческой личности, — это поворот человеческого сознания от зла к добру. Но этот поворот был всегда результатом чуда и провиденциального вмешательства; это не было следствием глубокого внутреннего развития. При этом изменение человеческой личности от добра к злу было совершенно невозможно.

Если праведник и мог соблазниться грехом, то этот соблазн свидетельствовал все же в какой-то мере о неполноте праведности.

В беллетристических произведениях нового времени личность действующего лица способна к саморазвитию, и это саморазвитие может совершаться в обе стороны: от зла к добру и от добра к злу, а кроме того, и это очень важно, развитие личности может совершаться безотносительно к добру и злу. Развитие личности эмансипируется, и эмансипируется от оценки этого развития с точки зрения элементарной религиозной этики.

«Повесть о Горе-Злочастии» имеет своим героем только одного человека. Это монодрама. Все остальные действующие лица в повести отодвинуты в тень. В повести только один ярко освещенный персонаж — неудачливый и несчастный молодец. При этом его внешняя судьба — только отражение его внутреннего развития. Как в картинах современника автора повести Рембрандта, освещено только лицо человека, показана его внутренняя жизнь. Все остальное тонет в глубокой тени, лишено четких контуров.

Мы не знаем молодца по имени. Мы не знаем, кто были его родители. Мы не знаем многих внешних обстоятельств его жизни. Где и как он научился пить, играть в кости, при каких обстоятельствах он ушел из родного дома — все это остается неизвестным читателю. Мы не знаем, откуда и куда бредет молодец, как он был в конце концов принят в монастырь, какова была там его дальнейшая судьба.

Его окружают люди без рода и племени. О его друзьях и недругах говорится неопределенно — во множественном числе: это «друзи», «люди добрые», «названные братья», «перевощики» и т. д. Только в начале повести говорится об одном «милом друге», который его обманул и обокрал. Но этот единственный, кроме молодца, конкретный человеческий персонаж повести выведен так обобщенно, что скорее воспринимается как некий символ всех его собутельников, чем как конкретная личность.

Правда, в повести, кроме молодца, есть и другой ярко обрисованный персонаж — это само Горе-Злочастие. Но персонаж этот представляет собой alter ego самого молодца. Это его индивидуальная судьба в повести как своеобразная эманация молодца.

В самом деле, личная, индивидуальная судьба появляется в человеческом сознании сравнительно поздно. До XVII в. древняя русская литература не знает личной судьбы. Есть только судьба рода, судьба, переходящая от отца к сыну, от деда к внуку. Не случайно древнерусская мифология знает Рода и рожаниц. Они приставлены к человеку от рождения, переходят к нему от родителей.²

² См.: В. Д. Комарович. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1960.

Горе-Злочастье — это судьба индивидуальная. Она не переходит к молодцу от родителей и не появляется у него при рождении. Горе-Злочастье выскакивает к молодцу из-за камня тогда, когда он уже сам выбрал свой путь, ушел из дома, стал бездомным пропойцей, свел дружбу с костарями и корчемниками, оделся в «гуньку кабацкую».

Горе неотделимо от самой личности молодца. Это судьба его, личная, выбранная им по доброй воле, хотя и подчинившая его себе, неотступно за ним следующая, прилепившаяся к нему.

Непредвиденные события жизни молодца развиваются под воздействием изменений в самой его личности. Все обстоятельства жизни молодца — лишь отражение изменений его личности. Эти изменения подчиняются лишь одной главной мысли повести: «человеческое сердце несмысленно и неуимчиво». Человек вступает на опасный путь соблазнов не потому, что в мире существует зло и дьявол не дремлет, а потому, что независимо от существования вне человека начал зла и добра само человеческое сердце «несмысленно и неуимчиво», способно свободно избирать тот или иной путь, а при «неполном уме» и «несовершенном разуме» неизбежно склоняется к злу, к непокорству, к соблазнам и прельщениям.

Так совершился важный шаг по пути эмансипации действия героев повествования от внешней заданности их поведения историческими событиями и приданной им «установки» на добро и зло.

В целом развитие молодца идет скорее к злу, чем к добру, хотя в конце концов он и является в монастырь, чтобы постричься. Но постриг его вынужденный: это не душевное возрождение к добру, а простая попытка убежать от Гора. Горе остается сторожить его у ворот монастыря, но еще неизвестно — не овладеет ли оно им вторично.

Впрочем, вопросы добра и зла отступают в повести со своего традиционно первого места на второй план. Автор повести не столько оценивает действия молодца с точки зрения религиозно-этической, сколько по-человечески жалеет молодца, сопереживает его неудачи, несчастья. Он не осуждает молодца, он горюет по нем, внутренне ему симпатизирует. И эта симпатия опять-таки необычайно эмансипирована от всяких религиозных суждений. Отдав некоторую дань церковным воззрениям во вступительной части повести, автор пишет затем совершенно свободно, — свободно изливает переполняющие его чувства жалости к молодцу. Поэтому лирическая стихия повести, столь ярко в ней проявившаяся, отнюдь не случайна. Лирика явилась формой выражения эмансипированных от всякой церковщины чувств по отношению к эмансипированной же личности человека. Лирика, разумеется, народная — лирика песни, причитания, жалобы на судьбу и на долю.

«Повесть о Горе-Злочастии» стоит на грани автобиографии. Она переполнена личной заинтересованностью автора в судьбе своего героя. От нее один шаг до жалобы на свою собственную судьбу. И как это ни парадоксально, она очень близка к автобиографии Аввакума по своему лирическому тону.